

К XX годовщине Октября решено было готовить спектакли, посвященные этой торжественной дате. И попытаться создать образ самого Ленина... В самом деле, коль скоро отображать события Октября, то как же можно без Ленина! Такой вывод был логичным, но вместе с тем он казался необычайно смелым. Смелым до дерзости.

Но через некоторое время, вопреки всяким сомнениям и страхам, наш театр принял такую пьесу. Ее автором был Александр Корнейчук. Николай Васильевич Петров, в ту пору главный режиссер нашего Театра Революции, насколько мне известно, раньше уже ставил пьесы Корнейчука и был с ним творчески близок. Надо полагать, что для получения пьесы Корнейчука он сам проявил активность, потому что создать юбилейный спектакль, посвященный XX-летию Октября, каждый режиссер считал для себя великой честью. Вот и получилось, что пьеса А. Корнейчука «Правда» очутилась у нас.

Ее прочитали по труппе. Но сразу возник кардинальный вопрос: кому играть Ленина?

Вот тут-то Николай Васильевич мне и признался: «Помните, я вас просил снять очки? Я разглядывал тогда ваши глаза. Я проверял для себя вашу кандидатуру на роль Ленина. Так что готовьтесь: вам играть Ленина!»

Я так и присел от удивления: мне играть Ленина?! Кажется, даже рассмеялся — настолько это предложение показалось невероятным.

Я не мог опомниться. Посмотрел на себя в зеркало. Ничем не похож! Ничего общего! Нет, невозможно! Это — легкомыслие режиссера!

Читаешь иногда, как актеры мечтают сыграть роль Ленина, как исподволь готовятся к этому. Признаюсь, у меня таких моментов никогда не было. Мне никогда ничего подобного на ум не приходило. Я никогда об этом и не помышлял. Даже тогда, когда в 1927 году работал у С. Эйзенштейна в ассистентской группе по фильму «Октябрь» и на мне лежала обязанность разыскивать человека, похожего на Ленина, и заниматься с ним. Да и вообще откуда у меня могли бы возникнуть основания для этого?

Театр и кино — искусство артельное, сугубо коллективное. Мы часто забываем об этом. И склонны порой приписывать себе то, что достигнуто общими усилиями. Вот почему мне ни на минуту не хочется преувеличивать, переоценивать то, что удалось сделать и предавать забвению своих товарищей, коим многим обязан. Буду возвращаться не раз к этой теме.

Итак, Н. Петров остановил свой выбор на мне и объявил об этом в довольно решительной форме. Я был в состоянии крайней растерянности. Надо же себе это ясно представить: если у драматургов первая реакция на задачу создать пьесу с образом Ленина была такова, то каково же было мне, актеру?!

Скульптор лепит фигуру Ленина — она существует вне его. Художник рисует портрет — он вне его. Поэт или драматург пишет о Ленине — образ живет в авторских строках.

А как у актера?

Он должен уметь сливаться с образом до той степени, когда будет иметь право торжественно провозгласить: я — есмь! Попробуйте, наберитесь храбрости иметь право гражданское, профессиональное, этическое, нравственное — какое хотите, — чтобы это изречь! Та сверхповышенная требовательность, которую мы предъявляли к себе тогда, должна существовать в полной силе и ныне. Я лично, хотя и сыграл Ленина на театре трижды и трижды в кино, никак не могу сказать, что мне раз от раза становится легче играть. Наоборот: играть становится все труднее, ибо задачи надо ставить все более сложные.

ВСЕ ЖЕ приступить к работе я сразу не смог. Какое-то время ушло на то, чтобы набраться духу и храбрости. Я мысленно себя подбадривал: ведь были же случаи, когда на сцене появлялись крупные государственные деятели. Даже вспомнил, с каким интересом в детстве сам следил на утреннике Малого театра за фигурой Кутузова, которого в пьесе «1812 год» играл А. Южин.

Но от этих воспоминаний мне легче не стало. Ведь — ЛЕНИН!!!

Было действительно отчаянно трудно. Мне казалось, что все против меня! И мои внешние данные (ведь я на Ленина нисколько не похож! Какие же чудеса надо будет сотворить с гримом, чтобы чего-то добиться!). И жесткие сроки выпуска постановки (7 ноября, и ни днем позже!). И «эскизность» текста роли (когда мне ее вручили, стало совсем страшно — текст умещался на трех небольших страничках!). И выжидательное молчание окружающих...

Но нельзя было бесконечно сомневаться, колебаться и переживать. Время шло, его было бесконечно мало, и дорог был каждый час. Надо было заставить себя начать работать засучив рукава.

Во время работы над ролью я имел обыкновенные читать книги, близкие ей по духу. В те дни это был фурмановский «Чапаев». Для бодрости я даже выписал себе такие слова:

«Верить надо, ребята, што дело хорошо пойдет, это главней всего... А не веришь когда, што победишь, таки и не ходи лучше...»

Я надеялся, что слова Чапаева вдохнут в меня нужные силы, хоть немного погасят волнение, помогут преодолеть высоченный психологический барьер.

Из книги, готовящейся к печати в издательстве «ВТО».

ОБРАЗ ВОЖДА

Максим ШТРАУХ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

Лениниана пришла в театр позже, чем в другие области искусства. Если в прозе, поэзии, скульптуре, живописи можно было уже говорить об успехах в этой области, то создать образ Ленина на сцене, в кино оказалось задачей более трудной. Понадобилось накопление опыта, чтобы взяться за такую сложнейшую идейно-творческую задачу. Я с волнением вспоминаю это интересное время.

Я В ЖИЗНИ никогда Ленина не видел и не слышал. Чем же мне восполнить отсутствие непосредственных впечатлений? С чего начинать?

Я лихорадочно набросал себе план. Надо внимательно прочитать все книги о Ленине и самого Ленина. Надо начать работать немедленно. Без обычной раскочки. Надо сразу учить текст.

А как же быть с гримом? И это нельзя откладывать ни на минуту! Надо собрать все фотографии, проштудировать их основательно. Надо уже начать делать первые наброски!

В Музей Ленина надо непременно сходить. Побродить там, подышать его воздухом. Надо еще обязательно заняться опросом людей, знавших Ленина лично. Надо срочно составить список, найти телефоны и адреса. Надо еще послушать и основательно изучить пластинки с ленинским голосом. Надо срочно просмотреть ленинскую кинохронику. Это очень важно — может быть, с этого следует начать?!

Надо, надо, надо... Вот видите, сколько всяких «надо» сразу обрушилось на меня!

Все плотно спрессовалось в один жесткий период, небывалый по своей насыщенности, емкости и напряжению. Приступать ко всему надо было сразу. Одновременный штурм образа со всех сторон! Единим духом! Все это было трудно.

Думаю, что мне все-таки пошла на пользу и не дала окончательно растеряться моя кинопрактика — участие в таких махинах Эйзенштейна, как «Стачка», «Броненосец «Потемкин», «Старое и новое» и особенно «Октябрь».

Сценарная подготовка к названным фильмам оказалась для всех нас великолепной общественно-политической школой. Этому меня не научили бы ни в каких художественных академиях мира! Все это мне сейчас пригодилось: я хорошо знал данное историческое время, его обстановку и всю неповторимую атмосферу событий.

РАБОТАЯ НАД ОБРАЗОМ ЛЕНИНА, я заставлял себя соблюдать особую осторожность. Относился к образу предельно тактично и бережно. Опасение, что вся работа при малейшем перегибе или неточности может обернуться святотатством, не покидало меня ни на минуту. Я не боюсь сказать, что относился к порученному делу свято! Выражение «священный трепет» тоже довольно точно подошло бы к моему состоянию. Я дорожил теми спектаклями, когда удавалось проводить сцену в Смольном как бы на едином дыхании, на подъеме. Когда казалось, что включен какой-то волевой мотор, увлекающий меня вперед, через все препятствия и преграды. Такого внутреннего движения, таких ритмов требовало само содержание ленинских сцен.

Вспоминаю еще одну удивительную подробность. «Выход Ленина» начинался задолго до того, как он появлялся на сцене. Около комнаты, где совершалось таинство грима, никто не позволял себе громко разговаривать, шумно ходить. В коридоре всегда кто-нибудь стоял, ожидая выхода из комнаты. За кулисами было много народу — участники сцены в Смольном, все с каким-то уважением уступали дорогу, отходили в сторону, а потом еще долго смотрели вслед.

ИНТЕРЕС У ПУБЛИКИ огромный, обостренный...

Справится ли театр с такой задачей? Много всяких разговоров, споров, прогнозов...

Первое мгновение — первый зрительный шок.

Он или не он?

Похож или нет?

И, конечно же, чем больше внешнего сходства — тем лучше!

Сюда входит все: грим, костюм, пропорции фигуры, манера двигаться... Все эти вопросы уже поставлены, хотя Ленин не сказал ни единого слова.

Я с превеликим изумлением читаю высказывания некоторых актеров, которые утверждают, что важно сосредоточить свое внимание на внутренней жизни образа, а внешняя сторона — это вроде бы дело второстепенное. Это совершенно неверная постановка вопроса. Одинаково важно и то, и другое!

К таким высказываниям я отношусь с крайним подозрением. Это то же самое, как и с проблемой перевоплощения. Актеры, не владеющие этой способностью, начинают подводить под свое неумение «принципиальную» базу, «теорию», что, мол, это дело вообще ненужное, что это «трансформаторство». Такие разговоры курам на смех! Дай бог всем владеть таким «трансформаторством», каким владели Станиславский и Шалапин! Перевоплощение — это высшая ступень актерского мастерства! К сожалению, далеко не все до нее добираются...

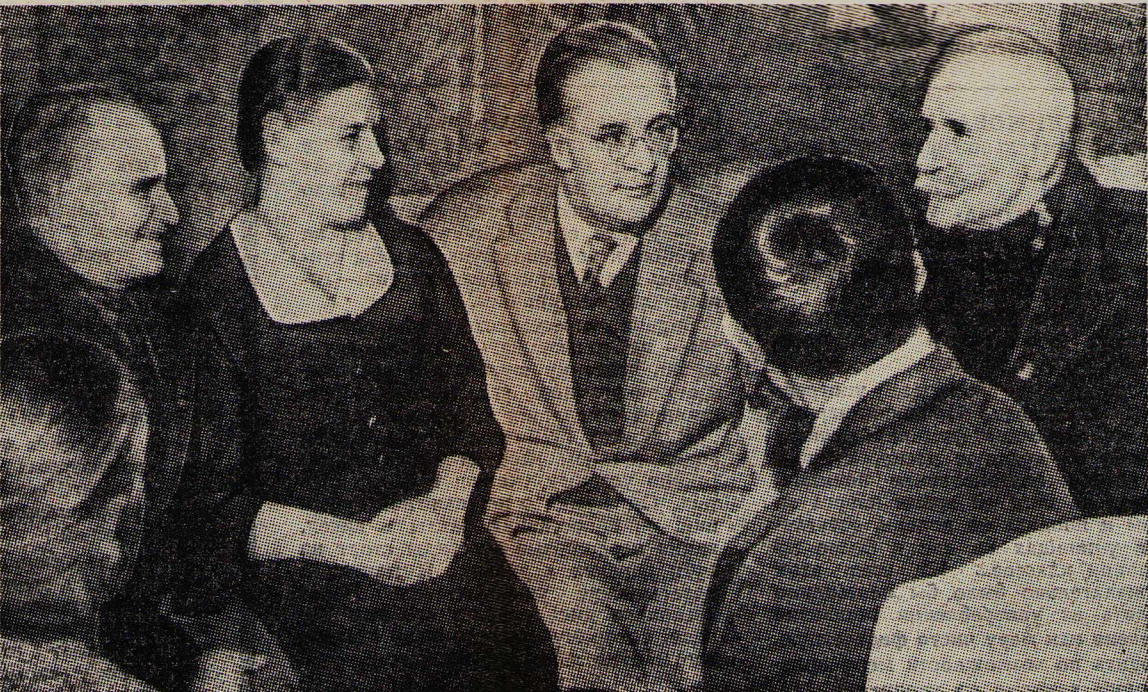
Я НАРОЧНО НАЧАЛ рассказ с описания своих сомнений и страхов, чтобы дать почувствовать, насколько это было трудно. И вместе с тем забываемо. Спектакли имели огромный успех. Они перерастали рамки узкотейтрального явления и превращались в события большого общественного звучания.

Спектакли «Правда» шли очень часто. Публика валом валила. Можно было играть хоть каждый день — все равно были бы аншлаги. Учреждения охотно закупали спектакли целиком. Интерес к нашей работе был столь велик, что общественный просмотр пришлось назначить на 12 часов ночи.

Первые спектакли совпали с октябрьскими праздниками, и, когда я пешком возвращался домой по разукрашенной, иллюминированной Москве, когда из уличных репродукторов гремела музыка, когда я видел огромные массы радостных людей, переполнявших улицы и площади, мне казалось, что действие нашего спектакля не прерывалось, оно продолжается, оно только выплеснулось за пределы театра и захватило, затопило своим настроением всю Москву, всю страну нашу... Надо было только мысленно совершить скачок на двадцать лет вперед!

Мне никогда не забыть атмосферу тех дней, когда образ Ленина впервые появился на московской сцене.

Незабываемые спектакли! Незабываемые дни!

М. Штраух среди старых большевиков, ветеранов завода имени Владимира Ильича.